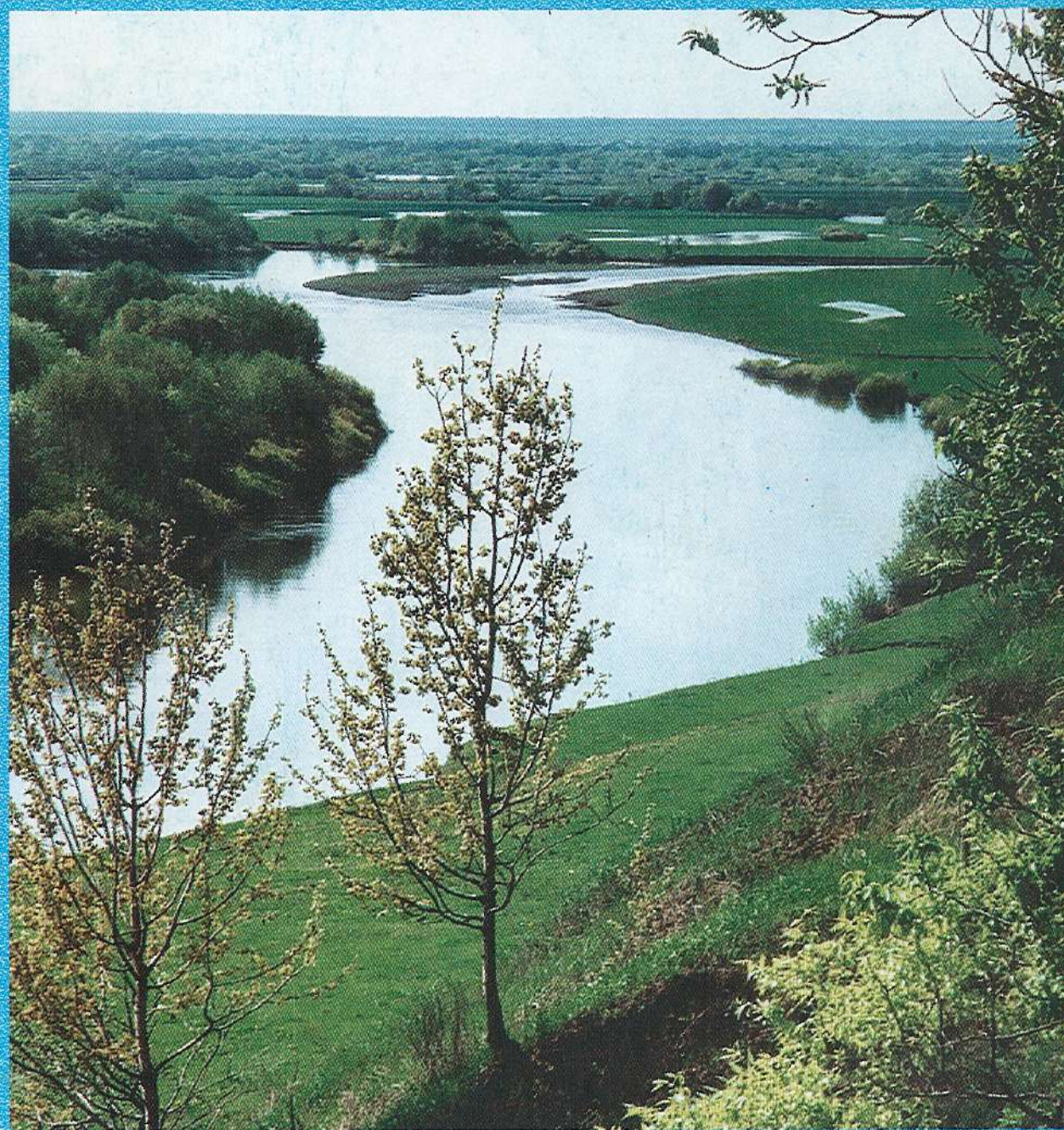

ДЕСНА

19·2009

Журналу — 15 лет!

Новый день начать сначала
я кому-то обещала...
Дни кончаются уныло.
А когда-то было, было...

* * *

Кто не способен на великое,
Находит радость в мелочах.
Неутихающей молитвою
горит свеча.

* * *

Я слишком в мысли углубилась
о доме, о семье,
и платьем светлым прислонилась
к окрашенной скамье.

Как надоели объясненья
и между делом, так
немые полуудивленья,
что я живу не так,
как мамочка привыкла жить.

Гляжу на небо, вижу ветку
и воробья ленивый быт.
С морковкой положила в сетку
я томик Рильке. Надо жить.

г. Москва

Андрей Фролов

Рассказы

ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ АПРЕЛЬ

Апрель уже просох под солнечными лучами. Тополя выбросили первые листья – ярко-зеленые и блестящие их язычки, едва выпростываясь из почек, жадно лизали воздух, освещали парковую аллею. Снег, водой сбежавший в реку, оставил на газонах привычный зимний мусор: линялые бумажки, смятые пластиковые бутылки, картонки из-под сока, сигаретные пачки. Нет, снег если и виноват, то лишь в том, что всю зиму покрывал некрасивые дела людей...

Приблизительно такие мысли неторопливо кружились в голове Виктора Петровича, в такт им шаркающей походкой бредущего по асфальтовой дорожке.

Впрочем, на мусор можно и не смотреть. Есть деревья, начинающие оживать; есть небо, ещё по-зимнему белёсое, но уже поднявшееся, воспарившее над землёй; есть, наконец, молоденькая художница, пристроившаяся на краю скамейки: одну ногу поджала под себя, на коленях фанерка – чиркает что-то карандашом, изредка поглядывая вокруг.

Парковые скамейки, как ни странно, чистые, хоть и облупленные. Не успели, значит, затоптать их бесцеремонные тинейджеры.

Виктор Петрович устало присел напротив художницы и прикрыл глаза, глубоко вдыхая пряный весенний воздух.

Он давно заметил, что апрели все разные. Нынешний для него – шестьдесят восьмой, а присматриваться к ним Виктор Петрович стал, примерно, с тридцать девятого. До этого весна была просто весной, зима – зимой, лето – летом. В беспрестанной круговерти забот, теперь казавшихся по большей части пустыми, некогда было приглядываться к смене времён года.

Апрель этого года был ярким днями и холодным по ночам, остро пахнущим перестоялым туманом и берёзовым соком...

Рядом на скамейку плюхнулся подросток. Худосочный, копна волос, мешковатые штаны того и гляди свалятся с жидких бёдер. Из ушей свисают тонкие проводки «музыки». Плеер, кажется, называется. Сколько ему? Пятнадцать? Шестнадцать? А уже с бутылкой пива. Дела!..

Он и сел-то на скамейку, уже занятую Виктором Петровичем, не потому, что свободных не было. Скорее, юнец просто не видел и не слышал ничего вокруг, увлечённый исключительно собой.

А вокруг была весна! Апрель! Оживает земля!.. Вон птичка по газону весело бегает, выискивает чего-то среди мусора...

– Приколись, дед, птица какая чудная! – завопил вдруг подросток, оглушённый своей «музыкой». – Вертихвостка, кажись!

– Трясогузка, – машинально поправил Виктор Петрович, неуверенный, что его слышат. И одновременно удивился: надо же, малец-то, оказывается, наблюдательный – меня, вон, увидел, птичкой заинтересовался.

— Я и говорю, прикольно — хвостом-то так и трясёт! — продолжал восхищаться подросток. От избытка чувств он выдернул наушники из ушей, и музыка вырвалась на волю, заставив Виктора Петровича удивиться ещё раз: песня, льющаяся из наушников, была популярна и тридцать лет назад.

— Пива? — учтиво спросил подросток, протягивая наполовину опорожнённую бутылку.

— Да нет, спасибо. Самого-то родители не заругают?

— За что!? — округлил глаза пацан.

— За пиво. Запах, поди, унюхают.

— Не заругают. Не заметят. Им некогда — заняты обеспечением благосостояния семьи, — мальчик явно повторил слова взрослых, лёгкая тень обиды сквозанула в его голосе. — Да и пиво-то — безалкогольное. Вот, читайте...

Виктор Петрович с интересом рассматривал подростка. Тот уже переключил внимание на художницу.

— Тёнька, вы меня рисуете? — кривляясь, прокричал он.

Художница коротко стрельнула в пацана глазами и презрительно фыркнула в сторону.

Мальчишка поднялся со скамейки и вихляющей походкой двинулся к девушке.

«Обидеть ведь может», — подумал Виктор Петрович, но парень до художницы не дошёл. Приблизился, постоял в сторонке, вытягивая по-гусиному шею, и, поддёргивая в спешности штаны, притопал обратно.

— А-а, — пренебрежительно протянул он. — Деревья какие-то, скамейки...

Подросток потоптался ещё с минуту, допил пиво и, будто спрашивая, сказал:

— Ну, я пошёл?

Бутылку он, помедлив немного, опустил-таки в урну. И пошagal, загребая широкими штанинами прошлогоднюю листву. Маленький, предоставленный сам себе человек...

Виктор Петрович улыбнулся своим медленным мыслям и снова прикрыл глаза. Жизнь прожита, и не нужно думать о прошлом, о будущем грезить тоже не стоит, сколько бы его ни осталось. Важен покой, важен апрель со своим мягким светом и горьковатым вкусом...

— Здравствуйте. Извините, я присяду...

Рядом со скамейкой стояла пожилая женщина в сером пальто и чёрной изящной шляпке.

— Ну что вы, конечно, садитесь, — женщина понравилась Виктору Петровичу своим шероховатым голосом и ненавязчиво-извинительной манерой обращения.

Она села чуть в стороне, аккуратно подобрала полы длинного пальто и пристроив на коленях средних размеров сумку.

«Бй, примерно, столько же, сколько и мне, — определил возраст соседки Виктор Петрович. — Когда-то она была, наверное, красива... Да нет, она и сейчас очень симпатична, только... устала».

Женщина глядела вдали перед собой, в прямой спине и покойно лежащих на сумке руках действительно чувствовалась большая усталость.

— Гуляете? — довольно глупо спросил Виктор Петрович.

— Нет, — спокойно улыбнулась женщина. — Я в поликлинику пришла, очередь заняла, посидела часик — немоготу стало. А там народу — ещё часа на два... Вышла подышать.

Виктору Петровичу почему-то было приятно слушать её ровный голос и смотреть на её простое лицо.

Вдруг мимолётная лукавинка высветилась в глазах женщины, сделал их молодыми.

— Я вас знаю, — сказала она, — вы из десятого «А». Но меня вы, конечно, не помните. Я тогда в седьмом училась и была в вас безнадежно влюблена. А вы... вы за Ленкой из девятого «Б» ухаживали. Ну ещё бы, первая красавица школы! Все мальчишки как с ума посходили...

Виктор Петрович изумлённо смотрел на случайно встреченную женщину, которая вдруг легко привела в порядок пыльный ворох его воспоминаний. Конечно, он её не узнавал, и не мог узнать — разве обращал он в те годы внимание на каких-то семиклашек. Но она говорила правду: учась в десятом, он, как и все его одноклассники, ухлёстывал за Ленкой Бариновой, страдал, сторяя от безумной любви, по ночам тайком приносил цветы к дверям её квартиры, посвящал ей стихи...

— Я сразу вас узнала, — говорила женщина. — Кстати, меня Любой зовут, Любовью Ивановной. Вы ведь никогда даже не подозревали о моём существовании, верно? А я потом ещё долго любила вас, всё надеялась, что когда-нибудь... Да что я! Всё это было тысячу лет назад!..

Они сидели на облупленной скамейке, посреди пустынного парка, в самой середине весны, и неторопливо рассказывали друг другу каждый о своей жизни. Виктор Петрович — о всех своих четырёх браках, каждый из которых считал вполне счастливым; о сыновьях и дочках, разлетевшихся во все концы страны, увезя с собой недоласканных внуков; о том, что он (оказывается, уже двадцать три года!) очень одинок, после развода с четвёртой женой; о том, что... всё у него хорошо, и здоровье особо не беспокоит. Любовь Ивановна говорила, что замуж вышла поздно, но на всю жизнь — супруг её и ныне здравствует и даже ещё работает преподавателем в техникуме; дочка с мужем живут неподалёку — всего-то в получасе ходьбы, и внучка неделями пропадает у бабушки с дедушкой; и всё у них тоже хорошо, только вот болячки навалились...

Тихо, матово светило солнышко, перекрикивались, пробуя голоса, какие-то пичуги, где-то вдалеке звонил колокол. Виктор Петрович смотрел в глаза Любви Ивановны, видел в них своё отражение и запоздало млел оттого, что эта, теперь уже пожилая... да что лукавить — уже престарелая, красивая женщина была в него влюблена. Это было давно, очень давно, но почему-то хорошо от этого было сейчас...

— Мне пора, — сказала Любовь Ивановна, протягивая ему руку. — Как бы очередь не пропустить. Я очень рада, что встретила вас. До свиданья, Саша.

Отпуская шершавую тёплую ладонь, Виктор Петрович тихо улыбался, немного ошарашенный. Ему было чуть-чуть грустно от понимания, что влюблена в те давние годы Люба была вовсе не в него, а в его закадычного друга Сашку Ветрова.

Она ушла по весенней аллее. Виктор Петрович снова сидел на скамейке и, прикрыв глаза, дышал своим шестьдесят восьмым апрелем...

— Дедушка, возьмите вот... На память.

Перед ним стояла художница и протягивала ему квадратный лист картона. На листе твёрдыми, умелыми карандашными штрихами был нарисован уголок парка с деревьями, скамейкой, а на скамейке, держась за руки, сидели Виктор Петрович и Любовь Ивановна. Только... они были молодыми, тридцатилетними. Юная художница ещё не умела рисовать старость.

НОЧНАЯ РЫБАЛКА

Рыбалка — штука занятая, забористая. Даже, когда удочкой, а если сетями — интерес вдвойне. Некоторые скажут: браконьерничанье. Поспорю! Коли сетями самых разных мастей без запрету на базаре торгуют — стало быть, дело легальное и безвредное.

Вообще-то я не рыбак. Этой болезнью зять мой болен, а тогда как человек он занятой, на поплавок паяться некогда, то самое подходящее тут орудие — это уловистая боевая «трёхстенка». Всё своё хлопотное время зять вздыхает о рыбалке, на которую беспричинно круглый год рвётся его больная душа; и раза два-три за лето он решительно рубит концы опутывающих его дел для того, чтобы попытать рыбацкого счастья, подпитаться речным или, на худой конец, прудовым животворным духом свободы.

В конце апреля взял я отпуск и засобиравшись на дачу — вскопать не торопясь грядки для будущей свёклы-морковки и прочих фруктов. А дача та, товарищи, расположена в местах райских — в Эдеме, считай. Это я всем так говорю, потому что — правда.

Участочек прильнул к берегу камышистого озера: над садовым столиком и скамеечками — навес, рядом — печка-мазанка с крейсерной трубой, за печкой — вода покачивает разные кувшинки с лилиями. Есть, конечно, и домишко с ровными углами да чайной верандой — не хуже, чем у людей. А тамошний труд — сплошной отдых. Покопаешься в чернозёме и блаженствуешь в дырчатом гамаке — свежестью с озера вест, лягушьи перековки баюкают, поверху ракиты интимно шушукаются... Никаким другим не видится мне дачный рай!

Только, значит, я собрался, и вдруг узнаю, что зять выскреб у своего начальства долгожданный рыбалочный день и направить колёса своего авто думает не куда-нибудь на Моховицу или, скажем, Зушу, а прямёхонько на дачный наш водоём. Чего ж мне тогда трястись электричкой?

День ушёл на приготовления — надо ведь собрать в кучу снасти, снедь, собаку охотничьей породы и двоих комично экипированных зятевых знакомцев. А и правда, не ехать же на рыбалку без хорошей компании. Тут надо заметить, что зять мой — недавно бывший работник кое-каких нештучных органов, а значит, и сорыбальники соответственные — начмед этих самых органов со смешной фамилией Полторашкин и ещё военный, Эдик.

Короче, загрузили в багажник зятевой «Нивы» водки-пива и приехали на дачу к вечеру.

Зять, понятно, бегом к берегу — лодку надувает, сети расправляет. Уплыл.

— Хо-хо-хо! — восхищаясь, ходит по участку толстенький доктор Полторашкин, зятуну в новенький камуфляж.

— Ох-ох-ох, — вздыхает сутулый, как вопросительный знак, Эдик, поддёргивая над несуществующей грязью отутюженные модные брюки.

Полторашкина восхищает всё: и аккуратный, взрыхлённый лопатой под зиму огород, и обнажённая близость воды, и ровенький дачный домик. Особо умиляется, глядя на недостроенный прошлым летом кирпичный нужник округлой формы и водосточную трубу, собранную из разноцветных пластиковых бутылок, вставленных одна в другую — плоды изобретательского таланта отца.

Начмед живо интересуется:

– Сколько соток участок?

– Было шесть, – говорю. – Вёсен пять на метр-два забор отнесли да берег от кустов подчистили – теперь все двенадцать будут.

– В дом-то лезят, воруют?

– А как же, – говорю, – каждую зиму наведываются. Дверь уж теперь не закрываем – надоело замки менять.

Зять уже сети раскинул, гребёт назад.

– Саня, я тоже хочу покататься! – кричит ему с берега Полторашкин.

– Вон дедова лодка в кустах – бери и катайся, – заранее не доверяя приятелю, отвечает зять. – К сетям не плавай – порвёшь.

Начмед медведем лезет в прибрежный раkitник вытаскивать плоскодонку, ловко свёрнутую отцом из оцинкованного листа вместо украденной в прошлую зиму покупной, алюминиевой. Суегливо усаживается, отчаливает под неодобрительное хмыканье Эдика.

Метрах в пяти от берега лодки встречаются. Возбужденный коротким катаньем, Полторашкин не может сидеть спокойно, ёрзает, подскакивает и тут же опрокидывается вместе с лодкой. Волной от потерпевшего крушение отшвыривает зятю «резинку», и Полторашкин остаётся утопать в беспомощности. Не утоп. Тут ещё мелко – стоит по грудь в воде с одиноким веслом в руках и ругливо орёт.

Пока зять отыскивает другое весло и буксирует к берегу перевёрнутую посудину, мы с Эдиком вынимаем на сушу мокрого доктора.

– А вода-то холодная, – удивлённо заявляет он. Ещё бы, апрель месяц!

Зятев пёс Чип смотрит на нас, как на законченных дураков. В воду он заходил – помочил пятки – и теперь не понимает, как можно добровольно нырять в этакую ступень.

Полторашкин канючит водки, но ему не дают. Покуда нет ухи – нет и водки. Пиво – пожалуйста. Доктор согласен и на пиво...

Ночи уже тёплые, почти майские. Втроём – начмед, собака и я – колдуем возле печки. Обязанности распределены: Полторашкин отвечает за уху, я – за печку, Чип присматривает за нами обоими.

С озера, с наступлением темноты ставшего чёрной бездонной ямой, долетают вёсельные шлепки и приглушённый говор. Это зять с Эдиком выбирают из сетей рыбу. Как они это делают в чернильной тьме – загадка.

У нас, на берегу, светлее. Под навесом горит лампочка в полторы сотни свечей, но и она кажется слабой, потерянной в огромной апрельской ночи.

Кастрюля на печке сыто булькает, постанывает от жара.

– Эх, без ерша не та ушица, – сожалительно вздыхает доктор, ложкой выуживая из кастрюли плотвичек и карасей первого улова. Но, как человек не зловредный, тут же мирится: – Ладно, сойдёт и такая.

– Сойдёт, – соглашаюсь я.

В кастрюлю увесисто плюхается целиковая, не очищенная луковица, с возмущённым шипом сыплется пшёнка.

Не решаясь приблизиться к горячей печке, позади нас топчется Чип – вислые уши подрагивают, нос в чуткости морщится. Вскоре и ему находится забава. Невесть откуда взявшиеся в апреле, не долетевшие ещё до своего месяца, а потому маленько чумные, на нашу лампочку начинают пикировать майские жуки. Много жуков! Проскочив лампочку, они лупятся бестолковыми лбами в большой овальный таз, висящий на раkitном стволе. Цинковое днище гудит от частых ударов, беспамятные жуки толпой валятся на землю, где ими очень интересно интересуется собака. Чип по-лошадиному фыркает, обнюхивая взбрыкивающих лапками насекомых, хватает их зубами и, мотая головой, с чихом разбрасывает по сторонам. Таз отражает атаки всё новых и новых оголтелых в своей твердолобости эскадрилий.

Уха почти готова. Почти – это значит, что не хватает главного компонента. Полторашкин резво бежит под навес, с хрустом скручивает голову поллитровке, и добрые двести граммов огненного напитка оказываются в нашем вареве.

Тут уже и начмед начинает вздрагивать ноздрями и беспокойно вглядываться во тьму.

– Саня, где вы? У нас уже всё готово! – пугаясь собственного ночного голоса, кричит он в глубины озера. Не дождавшись ответа, дублирует ещё громче: – Эдик!..

– Чего орёшь? – ворчливым шёпотом где-то рядом откликается невидимый Эдик. – Здесь мы.

Однако ждать приходится ещё не меньше получаса. Чип, войдя во вкус, уже всюду хрустит майскими жуками. Полторашкин, откупоривший очередную бутылку пива, развлекает меня байками из серии «А ещё был в моей практике случай...» Слушать его занимательно – практика у начмеда богатая, но интересней мне всё же смотреть, как в распахнутом зеве печи медленно умирают чёрно-рубиновые угольки...

Улов хорош! Для наглядности он вываливается в таз, так полюбившийся жукам. Полуметровая щука ведёт себя индифферентно, будто в неловкости от окружения – десятка истерично бьющих хвостами почти килограммовых карасей. Она изредка позёвывает, показывая, что ещё жива, но смертельно устала, и будь у неё веки, с удовольствием закрыла бы глаза.

Вдруг щука взмётывается, всеми своими несчётными зубами-иголками целясь в Эдика, склонившегося над тазом. От неожиданности Эдик нелепо садится мимо скамейки, но тут же реагирует адекватно, по-военному: пружинно вскочив, принимается молотить извивающуюся рыбину ногами. Едва удаётся оттащить...

– Уха совсем простыла, – суегится доктор. – Подставляйте, подставляйте миски...

– Водку лучше всего из алюминиевой кружки пить, – после щучиной атаки Эдик становится необычайно разговорчивым. – Слышь, булькает смачно как? Из стаканов тоже куда ни шло, а вот чашки эти, чайные, ты убери – не дело это, бульки не те...

Эдик разливает – к сожаленью, алюминиевая кружка нашлась только одна – со знанием дела.

– Майор, а ты спец! – хвалит его Полторашкин.

Духовитая уха улетает за один присест.

– Удалась, – будто удивлённо заключает начмед.

Закуски ещё полно: дощатый стол завален крупно нарезанными кругляшами колбасы, ломтями сала, испоротыми консервными банками. Сверху натюрморт припорошен листьями салата и мохнатой петрушкой.

Чип, пристроив скуластую морду на лавку, исподлобья следит за всеми сразу и вздыхает тайно. Кормить собаку может только хозяин. Чип это понимает и провожает поглощаемую нами еду не жадными, а лишь по-собачьи тоскливыми коричневыми глазами.

Главный говорун теперь Эдик, забывает даже балагуристого Полторашкина. Зять у меня вообще молчун, попусту трепаться не станет, а я в их компании всё же немного чужой.

Майор, слегка уже хмельной, напористо травит армейские байки, то и дело перебивая сам себя и возвращаясь к наглой выходке «стервы зубастой».

– Надо же, как она... исподтишка! – обиженно вскрикивает он и с ненавистью смотрит в сторону таза.

Зять снова отбывает на добычу рыбы – за ночь он проверит сети ещё пять-шесть раз. Полторашкин с Эдиком остаются под навесом. За бутылкой-другой есть о чём поболтать и с посторонним, чего уж говорить о старых друзьях.

Мне завтра копать огород, потому собираюсь в дом – спать.

Бархатная ночь деловито мерцает звёздами, откуда-то сбоку вываливается заспанная луна. Всё намекает на ясный завтрашний день. И хорошо.

Чип провожает меня до лестницы, ведущей на веранду, и, кивнув большой своей башкой, будто пожелав спокойной ночи, трусит обратно к берегу...

Просыпаюсь я от близкого треска. Ночь уже умирает. Щёлкнув ночником, вижу Эдика. Майор стоит посреди комнаты, раскачиваясь с весьма приличной амплитудой, в руках у него дверная створка, которая должна висеть... вон там, где висит теперь одиноко другая...

Эдик криво жмёт плечами, виновато улыбается. Вопросов не задаю – вижу, что говорить он временно не умеет. Выбираюсь из цепких объятий спального мешка и отбираю у Эдика дверь. Лишённый опоры, он с тихим хрюком валится на постель. Остаётся прикрыть истомлённое тело бушлатом.

А на дворе уже светает. На берегу из-под навеса бестолково пялится в утренний сумрак ненужная уже лампочка. Под столом, прикрыв лапами морду, спит Чип. На лавочке лицами к озеру застыли две фигуры. Они молча подвигаются, освобождая место и мне. Сидим втроём плечо к плечу, не в силах оторвать глаз от молодого солнца, медленно выкарабкивающегося из цепких ветвей деревьев на том берегу. Тюлевая шторка тумана растворяется, рваными краями сползает в недвижимую воду.

В этот момент жизнь замирает, кажется, на всей земле.

Смотрю украдкой на лица моих товарищей. Двое взрослых, грубых мужиков, успешных побывать на войне и попробовать на вкус всё самое отвратительное, что есть в этом мире, сейчас глядят на рождение дня с поистине детским изумлением. Они сами заново рождаются в этот миг. Они снова чисты, наивны и беззащитны...

Не для того ли и нужны им эти редкие рыбалочные ночи?

г. Орёл

Наталья Шитикова

Родилась в Жуковке. Училась в местной школе. Закончила Брянский политехникум, получив диплом технолога машиностроения. Работала секретарем Жуковского вело-завода, в настоящее время работает секретарем Дубровской нотариальной конторы. Стихотворения Натальи Шитиковой печатались в районных и областных газетах. Она автор поэтического сборника «В лабиринтах души».

* * *

Ах, соседка! Большие глаза,
Удивительно длинные косы
И ни слова – в ответ на расспросы.
Ах, соседка! Большие глаза.

Я задену её всё равно:
– Почему же так долго одна ты?
Может быть, кого любишь, женатый, –
Остаться одной суждено?

Но она лишь глазами сверкнёт,
А глаза зелены и раскосы,
И короной уложены косы.
Не ответит и мимо пройдёт.